МОСКОВСКАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИССІЯ

Проф. Е. СПЕКТОРСКІЙ.

ГИ 25
С 767

ЧТО ТАКОЕ КОНСТИТУЦІЯ.

№ 2765

BIBLIOTEKA
2765 C H
342

МОСКВА, 1917 г.

ПРИ ВРЕМЕННОМЪ КОМИТЕТѢ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

Цѣна 30 коп.

МОСКОВСКАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИССІЯ.
Москва, Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

БРОШЮРЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВА.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 коп.
2. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Два русскихъ Учредительныхъ Собранія 1613 и 1917 г. Ц. 30 коп.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли соціальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Цѣна 30 коп.

ПОЯВЯТСЯ ВЪ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ:

7. Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое соціализмъ?
8. Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ.
9. Б. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ Смутное время.
10. Пр.-доц. С. Ф. КЕЧЕКЬЯНЪ. Что такое свобода.
11. Проф. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція.
12. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и современный «большевизмъ».
14. Проф. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. Пр.-доц. Н. Н. ФІОЛЕТОВЪ. Церковь и государство.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ.
17. Проф. М. Н. СОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ.
18. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы.
19. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Что нужно знать каждому русскому гражданину объ Учредительномъ Собраніи.
20. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика.
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. «Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками».
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство.
24. В. БАЙКОВЪ. Страхованіе отъ безработицы.

П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ГИ25 Р
С767
3
1914
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
1200/28 98156 У

Что такое конституція.

Понятіе конституціи нуждается и въ объясненіи и въ оправданіи. Объяснить его необходимо потому, что и друзья и враги конституціи часто понимаютъ ее превратно. Оправдать необходимо потому, что многіе, правильно понимая сущность конституціи, относятся къ ней равнодушно и даже враждебно.

Когда въ 1825 году декабристы впервые громко и смѣло заговорили о конституціи и вышли вмѣстѣ со столичными войсками на площадь съ требованіемъ ея, нѣкоторые изъ солдатъ, поддерживавшихъ ихъ, на вопросъ о томъ, что они собственно разумѣютъ подъ конституціею, отвѣтили: жену Константина (брата Александра I, отрекшагося послѣ его смерти отъ престола въ пользу другого брата, Николая I). Теперь многіе, замѣчая, что республикѣ обыкновенно противополагаютъ конституціонную монархію, думаютъ, что гдѣ республика, тамъ уже нѣтъ и не можетъ быть конституціи; и посему въ призывѣ къ конституціи они видятъ призывъ къ монархіи; отрекаясь отъ монархіи, они отрекаются и отъ конституціи. Здѣсь очевидно, происходитъ недоразумѣніе. Всякое культурное государство, республиканское или монархическое безразлично, должно быть государствомъ конституціоннымъ; и если сторонники культурной монархіи настаиваютъ на ея конституціонности, то этимъ они хотятъ подчеркнуть свое неодобреніе монархіи абсолютной или лжеконституціонной. Но это конечно нисколько не значитъ, что гдѣ конституція, тамъ непремѣнно и монархія. Другое недоразумѣніе вызывается тѣмъ, что одна изъ нашихъ политическихъ партій именуется конституціонно-демократическою (сокращенно, к.-д. или «кадетскою»). И вотъ многимъ кажется, что стоять за конституцію это значитъ стоять за кадетскую партію; и наоборотъ, кто противъ кадетской партіи, тотъ, значитъ, и противъ конституціи. Но конституція нужна не однимъ только кадетамъ. И не они одни стоятъ за нее, какъ не они одни стоятъ за «народную свободу» (другое названіе или, такъ сказать, другая фирма этой партіи). Словомъ, и въ данномъ случаѣ происходитъ недоразумѣніе.

Таковы примѣры очевиднаго непониманія конституціи. Равнодушіе къ ней проявляютъ тѣ, которымъ кажется, какъ и двадцать три вѣка тому назадъ древнему греческому государствовѣду Аристотелю, что главнымъ признакомъ той или иной политической формы является число правящихъ лицъ. И сообразно съ этимъ въ поискахъ наиболѣе предпочтительной формы они различаютъ монархію, аристократію, и республику, иначе говоря, государства, гдѣ правятъ одинъ или нѣкоторые или многіе. Но такое дѣленіе было умѣстно лишь во время Аристотеля. Въ условіяхъ же нашей современности было бы правильнѣе разбирать государства абсолютное, лжеконституціонное и конституціонное и дѣлать выборъ именно среди этихъ формъ. Однако сила традиціи такова, что многіе предпочитаютъ различать государства съ тѣмъ или инымъ числомъ правящихъ лицъ, чѣмъ государства конституціонныя и неконституціонныя.

Кромѣ непонимающихъ конституціи и равнодушныхъ къ ней, нѣтъ недостатка и въ такихъ лицахъ и группахъ, которыя правильно понимаютъ, что такое конституція, и тѣмъ, не менѣе, относятся къ ней враждебно. Это особенно часто встрѣчается у насъ въ Россіи. Во враждебномъ отношеніи къ конституціи сходились и сходятся люди самыхъ различныхъ и даже, казалось бы, противоположныхъ убѣжденій. Прежде всего конституціонное начало, т.-е. признаніе необходимости прочнаго внѣшняго порядка государственной жизни, основаннаго на законѣ, встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе въ весьма свойственномъ славянской натурѣ отрицательномъ отношеніи къ государству вообще, въ ея склонности къ анархіи, т.-е. безначалію. Недаромъ многіе крупные вожди анархизма вышли именно изъ славянской среды. У однихъ, какъ у Бакунина, проповѣдь анархіи носила бурный, революціонный характеръ. У другихъ, какъ у Хильчицкаго въ старой, бывшей когда-то самостоятельнымъ государствомъ Чехіи, или какъ у Л. Н. Толстого въ Россіи, эта проповѣдь носила характеръ мирнаго непротивленія злу. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ конституціонное государство не вызывало симпатіи уже просто потому, что это все-таки государство. Особенно много приверженцевъ имѣла въ Россіи вторая разновидность славянскаго анархизма. Она основана на идеалѣ личной святости, нравственнаго совершенства отдѣльной личности. Кто желаетъ исполнить свой долгъ какъ личный, такъ и общественный, тотъ долженъ прислушиваться только къ внутреннему голосу своей собственной совѣсти. Всякаго же рода внѣшнія предписанія, исходящія отъ государственной власти, считаются насиліемъ надъ личностью. И всякаго рода культурныя блага, которыя могутъ доставить человѣку эти предписанія, разсматриваются какъ нѣчто суетное, грѣховное,

не приближающее человѣка къ царству Божію, которое внутри насъ. Основываясь на такомъ убѣжденіи, одни, какъ Толстой, совершенно отвергаютъ какое бы то ни было государство, ибо всякое государство есть зло. Другіе признаютъ государство, но злое, основанное не на правѣ, а на силѣ и произволѣ, ибо въ такомъ государствѣ больше поводовъ для подвиговъ личной святости; такъ, напримѣръ, К. Н. Леонтьевъ обращалъ вниманіе на то, что при турецкомъ режимѣ бывали и святые, а при бельгійской конституціи немыслимы даже угодники. Третьи мечтаютъ о добромъ государствѣ. Но такимъ государствомъ они считаютъ не конституціонное, основанное на внѣшней правдѣ, на юридическомъ законѣ, на гарантіяхъ взаимныхъ правъ и обязанностей какъ властвующихъ, такъ и подвластныхъ, а патріархальное, основанное на взаимной любви и довѣріи, на внутренней правдѣ. Такъ именно учили наши славянофилы. Такъ высказывался и Достоевскій. Конституціонное государство, о которомъ мечтали такъ называемые западники, бывшіе отчасти предтечами нынѣшней кадетской партіи, оказывалось съ этой точки зрѣнія ненужнымъ для Россіи порожденіемъ гнилого Запада: вѣдь въ немъ все основано на внѣшней правдѣ, все нуждается въ гарантіяхъ, дѣло дѣлается не за совѣсть, а за страхъ. И такой взглядъ могъ имѣть большой успѣхъ вслѣдствіе слабаго развитія гражданственности и правосознанія у русскаго общества. «Русскій народъ не государственный», настойчиво твердилъ К. С. Аксаковъ. И, какъ иронически объяснялъ поэтъ Алмазовъ,

Широки натуры русскія.
Нашей правды идеалъ
Не влѣзаетъ въ формы узкія
Юридическихъ началъ.

Такая проповѣдь политической маниловщины или даже нирваны, конечно, вела къ полному пренебреженію конституціонными идеями. Однако необходимо замѣтить, что и тѣ теченія, которыя стали стремиться къ дѣятельному вліянію на государство и его жизнь, дѣлаютъ это не черезъ конституцію, а безъ нея и безъ потребности въ ней. Такъ, когда появились у насъ народовольцы, эти предшественники нынѣшнихъ соціалистовъ-революціонеровъ, они выдвинули требованіе «земли и воли». Иными словами, воля, т.-е. свобода, т.-е. то именно, что и гарантируется конституціею, было поставлено на второмъ мѣстѣ послѣ земли. Аграрная, земельная задача вытѣснила политическую задачу, превратила ее въ нѣчто дополнительное, въ какой-то придатокъ, не могущій притязать на самодовлѣющее, тѣмъ болѣе руководящее значеніе. Еще дальше пошли въ этомъ отношеніи наши марксисты, или

историческіе матеріалисты, эти предшественники нынѣшнихъ соціалъ-демократовъ. Они усвоили ученіе Карла Маркса, согласно которому конституціонныя и всякія иныя правовыя и государственныя идеи и установленія не имѣютъ ни рѣшающаго ни вообще существеннаго значенія, ибо главное въ общественной жизни—это борьба экономическихъ классовъ, преимущественно капиталистовъ и рабочихъ, за хозяйственныя блага. Въ этой борьбѣ конституціи и кодексы какъ бы сами собою, автоматически надстраиваются надъ экономическимъ фундаментомъ общества, отражая существующее въ немъ реальное соотношеніе силъ. Съ точки зрѣнія такого пониманія вещей безплодны всѣ усилія юристовъ и политиковъ дать своей странѣ возможно лучшую конституцію или вообще какую бы то ни было искусственную конституцію: вѣдь у каждой страны и безъ этихъ усилій есть своя совершенно естественная конституція, иными словами, реальное соотношеніе общественныхъ силъ. Какъ объяснялъ другой нѣмецкій соціалистъ Лассаль въ рѣчи «О сущности конституціи», сущность прусской конституціи состоитъ вовсе не въ статьяхъ основныхъ законовъ, составленныхъ юристами, а во взаимодѣйствіи силъ короля, опирающагося на армію, дворянства, владѣющаго помѣстьями, промышленниковъ, купцовъ, но также и ремесленниковъ и рабочихъ, поскольку они тоже представляютъ реальную силу.

Всѣ эти разсужденія ошибочны въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, они основаны на смѣшеніи права и факта. Одно дѣло правомѣрное соотношеніе силъ, другое дѣло фактическое. Когда убійца или грабитель нападаетъ на свою беззащитную жертву, получается вполнѣ опредѣленное реальное соотношеніе силъ въ данный, по крайней мѣрѣ, моментъ. Но кто станетъ утверждать, что такое соотношеніе и есть единственно возможное право? Во-вторыхъ, какъ бы ни была непримирима экономическая борьба классовъ, есть извѣстныя блага, предоставляемыя конституціею, которыя равно цѣнны для каждаго человѣка, независимо отъ его принадлежности къ тому или иному классу. И капиталистъ, и рабочій, и горожанинъ, и крестьянинъ равно заинтересованы въ томъ, чтобы не подвергаться произвольному аресту, имѣть право свободно высказывать свои мнѣнія, участвовать въ управленіи страною и т. п. Словомъ, конституція есть нѣчто такое, что, нисколько не устраняя классовой борьбы и отнюдь не обѣщая этого, равно необходима для всѣхъ, подобно просвѣщенію и другимъ благамъ культуры. Тѣмъ не менѣе, у насъ очень распространено убѣжденіе, что внѣ экономическихъ классовъ и ихъ борьбы нѣтъ и не можетъ быть ничего въ обществѣ, что сообразно съ этимъ у каждаго общества имѣется и безъ юристовъ своя естественная, стихійная конституція, и что стре-

мленіе къ искусственной конституціи соотвѣтствуетъ идеологіи и интересамъ лишь господствующей въ настоящее время буржуазіи.

Конституціонное начало встрѣчаетъ не мало и другихъ возраженій и притомъ не только въ реакціонныхъ, но также и въ революціонныхъ кругахъ. Одни отвергаютъ его во имя такъ называемой диктатуры—диктатуры рабочаго класса, пролетаріата и т. п. группъ. При этомъ они упускаютъ изъ виду, что диктатура это ничѣмъ не ограниченная, самодержавная власть. И такая власть всегда можетъ выродиться въ произволъ и даже деспотизмъ, совершенно независимо отъ того, принадлежитъ ли она одному лицу, напримѣръ, монарху, или же представителямъ класса, а то и цѣлому классу. Власть всегда опьяняетъ тѣхъ, кто ею пользуется. И чѣмъ сильнѣе власть, тѣмъ больше опасность злоупотребленія ею. Другіе отвергаютъ конституцію потому, что она разсчитана на мирное, органическое теченіе государственной жизни. Они же, мятежные, ищутъ бури. Они предпочитаютъ теченіе критическое. Они—сторонники непрерывной («перманентной») революціи. Но при этомъ они упускаютъ изъ виду, что революція—это какъ бы лихорадка общественнаго тѣла. Временная лихорадка обновляетъ организмъ, постоянная же убиваетъ его. А кромѣ того, послѣ лихорадочнаго возбужденія обыкновенно наступаетъ слабость, апатія, усталость. И вотъ нельзя разсчитывать на то, чтобы революціонное возбужденіе длилось годами и даже вѣчно. Люди не могутъ долго выдержать напряженнаго ожиданія переворотовъ, когда завтра, завтра утромъ, а, можетъ быть, еще и сегодня вечеромъ можетъ наступить полное измѣненіе всѣхъ общественныхъ и политическихъ отношеній. Опытъ исторіи слишкомъ убѣдительно показываетъ, что за эпохами революціоннаго подъема неизбѣжно слѣдуютъ такія времена, когда общество устаетъ, впадаетъ въ апатію, теряетъ вѣру не только въ революціи, но даже и въ реформы. Тогда оно отказывается отъ сознательнаго переустройства своей жизни и предоставляетъ себя во власть или естественнаго, коснаго теченія событій,или даже реакціонныхъ силъ, которыя обыкновенно въ это время поднимаютъ голову и торжествуютъ. И вотъ очень неосмотрительно поступаютъ тѣ, которые, пренебергая этимъ обычнымъ исходомъ революціонныхъ движеній, тѣшатъ себя и другихъ иллюзіею вѣчной революціи и не спѣшатъ использовать революціоннаго кризиса для того, чтобы закрѣпить фактическую свободу, превратить ее въ правомѣрную и тѣмъ достойно подготовиться къ борьбѣ съ апатіею и реакціею.

Такимъ образомъ конституція необходима для всякаго государства. Особенно она необходима для государства, пережи-

вающаго революцію. Мало сбросить устарѣвшія формы политической жизни. Необходимо установить новыя формы. Мало завоевать свободу. Необходимо ее обезпечить. И обезпечить ее надлежитъ не только силою, ибо сила можетъ изсякнуть или столкнуться съ большею и враждебною силою, а правомъ и закономъ. Какое же обезпеченіе дѣлаетъ данное государство конституціоннымъ? Иными словами, что такое конституціонное государство?

Прежде всего это такое государство, въ которомъ власть организована, имѣетъ характеръ учрежденія. Сообразно съ этимъ извѣстный и безконечный споръ о томъ, что предпочтительнѣе—учрежденія или люди, конституція рѣшаетъ въ пользу учрежденій. Сообразно съ этимъ же всѣ тѣ, кто убѣждены, что важнѣе всего настоящій человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ, склонны недостаточно цѣнить пользу конституціи. Когда Наполеону I болѣе или менѣе робко напоминали, что, кромѣ его личности и его воли, есть еще законъ, конституція, наконецъ, тронъ, который онъ занималъ, онъ совершенно выходилъ изъ себя:«тронъ,—объяснялъ онъ въ 1814 г. при пріемѣ законодательной палаты,—это не болѣе какъ четыре куска золоченаго дерева, покрытаго бархатомъ; настоящій тронъ—это я, съ моею волею, съ моимъ характеромъ, съ моею извѣстностью; и я могу спасти Францію». Когда у насъ Александръ I хотѣлъ,или по крайней мѣрѣ дѣлалъ видъ, что хотѣлъ дать Россіи конституцію, окружавшія его лица отговаривали его на томъ основаніи, что онъ самъ—наилучшая конституція. Болѣе правильно разсуждали тѣ, которые, вѣря, повидимому, въ искренность его добрыхъ намѣреній, обращали вниманіе на то, что онъ только счастливая случайность. Талантливыя, творческія натуры—это дѣло случая. И конечно не конституціи ихъ создаютъ. Зато конституціи стремятся создать такія условія, чтобы общее дѣло не страдало и тогда, когда такихъ натуръ нѣтъ. А кромѣ того, онѣ стремятся къ тому, чтобы настоящіе люди дѣйствительно очутились на настоящихъ мѣстахъ, иными словами, чтобы политическія дарованія не пропадали въ тѣни, а получали возможность выдвигаться и дѣйствовать.

Но этого еще мало. Въ государствѣ власть можетъ быть уже организована. И тѣмъ не менѣе это еще не непремѣнно конституціонное государство. Для этого необходимъ еще одинъ признакъ: власть должна быть ограничена. Неограниченная власть не можетъ быть конституціонною. Сообразно съ этимъ никакое самодержавіе, никакая диктатура недопустимы при конституціонномъ строѣ. Сообразно съ этимъ же, вступая на конституціонный путь, власть обязательно должна поступиться многимъ, должна сама себя ограничить. Если монархъ жалуетъ («октроируетъ») странѣ конституцію, онъ отрекается отъ полноты

своихъ державныхъ правъ и уступаетъ часть ихъ своимъ подданнымъ. Если державный народъ на учредительномъ собраніи учреждаетъ конституціонное государство, онъ тоже отказывается отъ неограниченной власти и обязуется властвовать только согласно съ правомъ, съ основными законами—по крайней мѣрѣ впредь до правомѣрнаго пересмотра этихъ законовъ.

Однако не всякое ограниченіе власти есть вмѣстѣ съ тѣмъ и конституціонное ограниченіе. Лица и учрежденія, ограничивающія государственную власть, должны это дѣлать по праву, имѣть законное право и обязанность ограничивать. Иначе получится не право, а фактъ, фактъ болѣе или менѣе случайнаго, временнаго и закулиснаго вліянія на тѣхъ или иныхъ носителей власти. Таковы всевозможныя придворныя вліянія, имѣвшія мѣсто во всѣхъ монархическихъ странахъ подъ тѣмъ или инымъ названіемъ: въ Испаніи—камарилья, во Франціи—фаворитизмъ и антуражъ, въ Англіи—кабаль, у насъ недавно—темныя силы. Таково же давленіе на власть или просто уличной толпы или же болѣе или менѣе могущественныхъ общественныхъ группъ (объединеннаго дворянства, промышленныхъ синдикатовъ, сахарозаводчиковъ, духовенства и т. п.). Какъ бы ни были значительны всѣ эти вліянія, какъ бы они ни ограничивали фактически государственную власть, они не устанавливаютъ конституціоннаго ограниченія этой власти, если они не дѣйствуютъ на основаніи права и закона.

Но и этого еще мало. Бываютъ случаи не фактическаго только, но и правомѣрнаго ограниченія власти. И, тѣмъ не менѣе, при этомъ все еще нѣтъ конституціоннаго государства. Такъ, напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ власть фараоновъ была сильно ограничена жрецами. Жрецы контролировали ихъ при жизни и судили послѣ смерти, судили такъ строго, что иногда выбрасывали ихъ тѣла изъ тѣхъ могилъ, которыя они сооружали себѣ въ теченіе всей своей жизни и которыя именовались пирамидами. Это вліяніе жречества основывалось не на одномъ лишь фактѣ, а на правѣ, на обычномъ правѣ страны. И, тѣмъ не менѣе, оно не дѣлало Египта конституціонною страною, какъ не дѣлалъ и старой Испаніи такою страною стѣснительный придворный этикетъ, чрезвычайно ограничивавшій ея королей. Признакомъ конституціоннаго государства является не всякое вообще правомѣрное ограниченіе власти въ немъ, а лишь такое, которое устанавливаетъ публичную свободу или публичныя права населенія.

Мы различаемъ двоякую свободу людей—стихійную или естественную и правомѣрную, которая въ свою очередь подраздѣляется на гражданскую или частную и публичную. Стихійная или естественная свобода состоитъ въ ничѣмъ не ограниченномъ правѣ каждаго и всѣхъ дѣлать рѣшительно все, что имъ заблаго-

разсудится, не считаясь ни съ интересами другихъ лицъ, ни съ предписаніями нравственности, справедливости, права. Инымъ можетъ показаться, что нѣтъ ничего лучше и желательнѣе именно такой свободы. Но если вдуматься въ то, что должно произойти и дѣйствительно происходитъ, когда люди признаютъ и проявляютъ только такую свободу, то мы легко поймемъ всю ея неудовлетворительность. Вѣдь тогда каждаго можно упрекнуть: ты для себя лишь хочешь воли. У каждаго человѣка окажется столько права, сколько свободы, и столько свободы, сколько силы. Тогда водворится грубое царство силы, не введенной ни въ какія законныя рамки. Тогда, какъ учили государствовѣды еще XVII вѣка, двѣсти съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, должна установиться война всѣхъ противъ всѣхъ или волчье царство, когда люди, какъ голодные волки, набрасываются другъ на друга. Вотъ почему ни въ какомъ государствѣ не можетъ существовать такая естественная, стихійная свобода. Она можетъ водвориться лишь временно, въ переходныя революціонныя эпохи, когда старой власти уже нѣтъ, а новой еще нѣтъ, когда ослабѣваютъ и бездѣйствуютъ предписанія, сдерживающія человѣческій эгоизмъ, и когда многіе опьяняются непривычнымъ молодымъ виномъ свободы. Тамъ же, гдѣ существуетъ какой бы то ни было общественный порядокъ, возможна уже не стихійная, безграничная, а правомѣрная, уже болѣе или менѣе ограниченная свобода. Такая свобода дѣлится—на гражданскую и политическую. Гражданская свобода означаетъ право частныхъ лицъ устраивать свои частныя имущественныя или семейныя дѣла, т.-е. покупать, продавать, заключать всякаго рода иные договоры, вступать въ бракъ и т. п. Такая свобода признается и въ не-конституціонныхъ государствахъ. Зато политическая свобода встрѣчается только въ конституціонномъ государствѣ. Такая свобода дѣлится на отрицательную и положительную. Отрицательная политическая свобода—это, такъ сказать, свобода отъ государственной власти и ея воздѣйствія, иными словами, право гражданъ свободно устраивать свою общественную жизнь и выражать свою общественную мысль и волю (путемъ слова, печати, собраній, союзовъ и т. п.). Положительная политическая свобода—это право гражданъ законно вліять на составъ государственной власти и на ея дѣятельность, что осуществляется главнымъ образомъ путемъ предоставленія имъ избирательнаго права, активнаго и пассивнаго. И вотъ конституціоннымъ государствомъ является такое, гдѣ власть не только организована, но еще и ограничена и притомъ не фактически только, а юридически или правомѣрно, ограничена же она не чѣмъ инымъ какъ признаніемъ за населеніемъ публичныхъ правъ или политической свободы. Осуществляя эти права, населеніе превращается изъ управляемыхъ подданныхъ въ самоуправляющихся гражданъ.

Такому, конституціонному государству противопоставляются государства абсолютное и лжеконституціонное. Абсолютное государство—это такое, въ которомъ власть рѣшительно ничѣмъ не ограничена. Сообразно съ этимъ все, что ей заблагоразсудится, все, что она прикажетъ, обязательно для населенія. Абсолютизмъ возможенъ не только въ наслѣдственной и самодержавной монархіи, но также и въ государствахъ съ демократическимъ источникомъ власти: таковы случаи цезаризма (отъ римскаго Юлія Цезаря, которому слѣдовали во Франціи оба Наполеона, особенно третій), когда одно лицо, заручившись согласіемъ и поддержкою народа путемъ болѣе или менѣе демагогическихъ пріемовъ, начинаетъ править самодержавно; таковы же случаи диктатуры пролетаріата и вообще широкихъ массъ. Лжеконституціонное государство—это государство, имѣющее только видимость конституціонныхъ учрежденій, въ дѣйствительности же склоняющееся къ абсолютизму. Черезъ такую форму прошли континентальныя государства запада Европы. Черезъ такую же форму прошли и мы. Тотъ строй, который установился у насъ послѣ 1905 года, былъ типично лжеконституціоннымъ строемъ. Это видно хотя бы изъ той характеристики, которую ему давалъ альманахъ Готы, этотъ адресъ-календарь государствъ всего міра. Россія—это «конституціонная монархія, подъ самодержавнымъ царемъ»; это значитъ, иными словами, ограниченное государство съ неограниченною властью. Лжеконституціонный характеръ нашего недавняго строя хорошо опредѣлилъ и одинъ изъ нашихъ министровъ—Коковцовъ, когда на одномъ засѣданіи Государственной Думы онъ объявилъ: «у насъ, слава Богу, нѣтъ парламента». Такимъ образомъ и мы, подобно континентальнымъ государствамъ запада Европы, прошли черезъ стадію лжеконституціонализма. И теперь намъ предстоитъ путь истиннаго конституціонализма, когда государственная власть не на словахъ только, а на дѣлѣ ограничена признаніемъ за населеніемъ публичныхъ правъ или политической свободы.

Совокупность такихъ ограниченій образуетъ конституцію данной страны, не ту о которой говорилъ Лассаль и которая представляетъ лишь фактическій учетъ реальныхъ силъ страны, а ту, о которой учатъ юристы и для которой право выше факта. Конституціи дѣлятся на неписаныя и писаныя. Образцомъ страны съ неписаною конституціею является Англія, въ которой, уже около семисотъ лѣтъ тому назадъ, власть стала ограничиваться публичными правами гражданъ, при чемъ многія ограниченія вырабатывались и передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе путемъ преданія, безъ записи и безъ изданія соотвѣтственныхъ законовъ. Странамъ континента Европы, особенно же Россіи въ этомъ отношеніи менѣе посчастливилось, чѣмъ Англіи: при-

ходится искусственно устанавливать на будущее время то, чѣмъ она гордится какъ наслѣдіемъ сѣдой старины. Писаныя конституціи не столько записываютъ уже сложившійся порядокъ ограниченія государственной власти, сколько устанавливаютъ такой порядокъ на будущее время. Въ этомъ и сила ихъ и слабость. Сила въ томъ, что здѣсь открывается просторъ для политическаго творчества, для сознательнаго и планомѣрнаго государственнаго строительства. Слабость въ томъ, что конституція можетъ не войти въ жизнь и остаться только на бумагѣ, какъ это было, напримѣръ, съ турецкою конституціею 1876 года, или же оказаться очень непрочною: такъ, напримѣръ, въ первой половинѣ XIX вѣка въ теченіе 32 лѣтъ Мексикѣ пришлось перепробовать цѣлыхъ 48 писаныхъ конституцій.

По способу происхожденія писаныя конституціи дѣлятся на пожалованныя или октроированныя, и устанавливаемыя волею народа. Конституція октроируется тогда, когда монархъ обладающій всею полнотою державной власти, самъ себя ограничиваетъ и уступаетъ населенію тѣ или иныя публичныя права. За вычетомъ этихъ уступокъ вся полнота власти по прежнему остается у монарха. Иной характеръ конституцій, устанавливаемыхъ волею народа (обыкновенно на учредительномъ собраніи). Здѣсь вся полнота власти принадлежитъ народу. Ему принадлежитъ власть учреждающая. Отъ него же происходятъ и власти учреждаемыя.

По степени легкости измѣненія въ будущемъ конституціи дѣлятся на твердыя и гибкія. Твердыя конституціи—это такія, которыя составляются разъ навсегда и которыя, сообразно съ этимъ, или совсѣмъ не подлежатъ измѣненію, или же могутъ быть измѣнены съ большимъ трудомъ, путемъ очень сложной процедуры, созыва спеціальныхъ учредительныхъ собраній или же обычныхъ законодательныхъ собраній, но съ новымъ составомъ депутатовъ и съ рѣшеніемъ вопросовъ путемъ усиленнаго («квалифицированнаго») большинства и т. п. Въ основѣ каждой твердой конституціи лежатъ двѣ идеи. Во-первыхъ, ея авторамъ кажется, что они и могутъ и должны все рѣшительно предусмотрѣть и притомъ на вѣчныя времена—подобно тому какъ въ старину условія мира послѣ войны обыкновенно тоже составлялись на вѣчныя времена (что однако нисколько не предотвращало новыхъ войнъ, начинавшихся нерѣдко очень скоро послѣ заключенія мира). Во-вторыхъ, авторы твердыхъ конституцій убѣждены, что въ политикѣ, какъ и въ математикѣ или логикѣ, есть вѣчныя истины, вѣчно настоящія, обязательныя для всѣхъ временъ. И вотъ имъ кажется, что настоящая конституція каждой страны и должна быть такою вѣчно истинною конституціею. Такъ, напримѣръ, въ XVIII

вѣкѣ многіе считали необходимою принадлежностью истиннаго устройства власти ея дѣленіе, согласно ученію французскаго писателя Монтескье, на три самостоятельныя власти—законодательную, исполнительную и судебную. Въ раздѣленіе властей вѣрили до того, что, напримѣръ, философъ Кантъ истолковывалъ христіанскій догматъ троичности Божества въ смыслѣ раздѣленія небесныхъ властей тоже на законодательную, исполнительную и судебную. Извѣстная французская декларація правъ 1789 г. провозглашала, что государство, въ которомъ не установлено раздѣленія властей, не имѣетъ конституціи. Основываясь на этой вѣрѣ, авторы конституціи Сѣвероамериканскихъ штатовъ положили въ ея основаніе начало раздѣленія властей. Это начало дѣйствуетъ въ Америкѣ и до сихъ поръ, спустя сто тридцать лѣтъ и является препятствіемъ къ принятію Америкою т. н. парламентаризма, т.-е. зависимости исполнительной власти министровъ отъ законодательной власти палаты представителей.

Гибкія конституціи построены на двухъ началахъ. Во-первыхъ, на мысли о томъ, что не слѣдуетъ дѣлать различія между учредительною и законодательною властью, между основными законами и обыкновенными. Такое различіе еще умѣстно въ странахъ съ сильною монархическою властью, позволяющею подданнымъ участвовать въ обычномъ, будничномъ законодательствѣ и сохраняющею за собою распоряженіе основными законами въ порядкѣ пожалованія. Но въ странахъ демократическихъ, гдѣ, даже и при наличности королевской власти, какъ въ Англіи, законодательство въ полномъ объемѣ принадлежитъ палатамъ народныхъ представителей, о такомъ различіи не можетъ быть и рѣчи. Тамъ дѣйствуетъ иное начало—верховенство законодательныхъ палатъ и ихъ всемогущество. Таково, напримѣръ, всемогущество англійскаго парламента, который, какъ говорятъ, не можетъ сдѣлать только одного—превратить мужчину въ женщину и обратно. Все же остальное онъ можетъ сдѣлать, значитъ, также и измѣнить ту или иную часть англійской конституціи. Кромѣ того, авторы гибкихъ конституцій полагаютъ, что въ политикѣ все относительно, нѣтъ ничего вѣчнаго и что сообразно съ этимъ не слѣдуетъ связывать воли будущихъ поколѣній, господствовать надъ ними изъ-за могилы. Одинъ изъ авторовъ французской конституціи 1793 г. Кондорсе, который, будучи самъ крупнымъ математикомъ, слишкомъ хорошо понималъ, какъ велика разница между математическими и политическими истинами, предлагалъ даже обязательно созывать новое учредительное собраніе черезъ каждые 20 лѣтъ, т.-е. съ появленіемъ каждаго новаго поколѣнія, которое могло бы сознательно пересмотрѣть и усовершенствовать работу предшествовавшаго поколѣнія.

Нѣкоторыя конституціи являются полугибкими-полутвердыми. Такова, напримѣръ, нынѣшняя французская конституція. Съ одной стороны она можетъ быть сравнительно легко измѣнена, хотя и не въ совсѣмъ обычномъ законодательномъ проядкѣ: проектъ измѣненія голосуется сначала въ обѣихъ палатахъ отдѣльно, затѣмъ въ ихъ соединенномъ засѣданіи, при чемъ требуется усиленное большинство голосовъ. Но, съ другой стороны одна особенность французской конституціи, такъ сказать. забронирована навсегда: это именно республиканская форма правленія; она ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отмѣнена. Такимъ образомъ у Франціи есть законные пути для измѣненія избирательной системы, перехода отъ двухпалатной системы представительства къ однопалатной, расширенія или сокращенія власти президента и т. п. Но для перехода отъ республики къ монархіи законныхъ путей нѣтъ. Такой переходъ возможенъ только въ видѣ насильственнаго переворота.

Вопросъ о томъ, какая конституція предпочтительнѣе— гибкая ли или же твердая, рѣшается далеко не единодушно. Въ пользу твердыхъ конституцій говоритъ то, что онѣ стремятся создать прочный государственный порядокъ и установить незыблемые принципы общежитія людей. Но противъ нихъ говоритъ то, что онѣ лишаютъ будущія поколѣнія возможности перестраивать свою жизнь мирнымъ путемъ и, въ случаѣ накопленія слишкомъ большого недовольства старымъ строемъ, толкаютъ ихъ на путь революціи. Въ пользу гибкихъ конституцій говоритъ то, что онѣ считаются и съ эволюціею, т.-е. развитіемъ жизни съ теченіемъ времени, и съ необходимостью реформъ. Противъ нихъ говоритъ то, что онѣ какъ будто не видятъ никакой разницы между измѣненіемъ государственнаго строя и такъ называемою законодательною вермишелью, т.-е. мелкими законами, которые въ большомъ количествѣ чуть не ежедневно проходятъ черезъ палаты представителей при случайномъ составѣ депутатовъ.

Можетъ возникнуть вопросъ, что должна въ себѣ содержать писаная конституція и чего въ ней не должно быть. Она должна содержать въ себѣ законы объ организаціи публичныхъ властей, а также законы о публичныхъ правахъ населенія, ограничивающихъ эти власти. Этой послѣдней сторонѣ дѣла во время французской революціи 1789 г. придавали такое большое значеніе, что, прежде,чѣмъ составлять конституцію, составили знаменитую декларацію правъ человѣка и гражданина. Въ нынѣшней французской конституціи 1875 года нѣтъ ни такой декларації ни даже особаго перечисленія политическихъ свободъ гражданъ. Это конечно не значитъ, что эти свободы не признаются во Франціи и что онѣ не ограничиваютъ ея властей. Это просто значитъ, что эти свободы еще до конституціи получили признаніе и су-

дебную защиту. И посему тамъ можно уже обойтись безъ спеціальнаго упоминанія о нихъ, чего никакъ нельзя сказать про болѣе отсталыя въ политическомъ отношеніи страны.

Вотъ собственно и все, что должно быть въ писаной конституціи. Противъ этого однаго погрѣшаютъ многія конституціи. Въ нихъ много такихъ постановленій, которыя относятся собственно къ обычному законодательству и которыя только загромождаютъ конституцію. Такъ, напримѣръ, прусская конституція предусматриваетъ, что народные учителя будутъ получать казенное жалованье, германская устанавливаетъ пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа, швейцарская—воспрещеніе убоя скота по еврейскому ритуалу, конституціи отдѣльныхъ американскихъ штатовъ—законы противъ пьянства, азартной игры, проституціи и т. п. Всѣ эти законы попадаютъ въ конституціи или вслѣдствіе того, что имъ придаютъ особую важность, или потому, что не различаютъ по существу конституціонныхъ и обыкновенныхъ законовъ, или, наконецъ, потому, что, какъ въ Америкѣ, обыкновенный законъ можетъ быть отмѣненъ судомъ вслѣдствіе его несоотвѣтствія конституціи, а конституціонный законъ судомъ уже отмѣненъ быть не можетъ; и поэтому всякаго рода мѣропріятія противъ пьянства, игры и распутства, какъ нарушающія гарантированную конституціею свободу личности распоряжаться собою хотя бы и во вредъ самой себѣ, могутъ получить силу закона только путемъ включенія въ конституцію.

Наконецъ, въ настоящей конституціи не должно быть никакихъ экономическихъ принциповъ, никакихъ экономическихъ законовъ. Авторы французской конституціи 1848 г. хотѣли было включить въ нее право на трудъ, но затѣмъ отказались отъ этого. Какъ бы ни были важны экономическія проблемы, какъ бы неотложно ни было ихъ разрѣшеніе, оно должно быть сдѣлано въ порядкѣ особаго соціальнаго законодательства. И оно не должно осложнять собою конституціи. Конечно въ благоустроенномъ государствѣ нельзя обойтись безъ обширной соціальной политики. Но относительно ея задачъ и размѣра отдѣльные люди и классы вѣроятно еще долго будутъ спорить, тогда какъ относительно основъ благоустроенной государственной жизни эти же самые люди и классы скорѣе могутъ прійти къ соглашенію. Такъ, напримѣръ, по вопросамъ политическимъ программа-минимумъ соціалистовъ почти совершенно совпадаетъ съ программою такъ называемыхъ буржуазныхъ партій, что отнюдь не мѣшаетъ имъ расходиться въ своихъ экономическихъ программахъ. Посему выработка конституціи и можетъ и должна быть выдѣлена въ особую задачу.

Сообразно съ этимъ конституція обѣщаетъ много, но далеко не все. Она не устраняетъ соціальной борьбы, религіозной, клас-

совой и иной. Зато она вводитъ ее въ культурную форму. Она не производитъ соціальныхъ реформъ. Зато она создаетъ для нихъ законную возможность. Она вообще не разрѣшаетъ по существу ни одного общественнаго вопроса. Зато безъ нея нельзя разрѣшить ни одного вопроса, ибо она устанавливаетъ пути для разрѣшенія всякихъ общественныхъ вопросовъ. И хотя конституціонная идея имѣла немало мучениковъ, пострадавшихъ за нее, особенно у насъ въ Россіи, она теперь носитъ уже не столько принципіальный, сколько чисто техническій характеръ. Хорошая конституція это все равно что хорошіе пути сообщенія. Кто заботится о нихъ, тотъ не спрашиваетъ, почему и зачѣмъ ѣдутъ пассажиры, должны ли они вообще ѣхать; тотъ просто старается увеличить число поѣздовъ, ускорить ихъ ходъ, удешевить проѣздъ и т. п. Подобнымъ же образомъ и конституція формальна. Она стремится всѣмъ обезпечить свободу передвиженія, слова, вѣры, участія въ государственныхъ дѣлахъ. И при этомъ она не читаетъ въ сердцахъ, не справляется объ убѣжденіяхъ, о принадлежности къ той или иной партіи. Вотъ почему въ свою очередь, всѣ партіи, при всей своей борьбѣ по другимъ вопросамъ и могутъ и должны сойтись на вопросѣ о конституціи, ибо она гарантируетъ общечеловѣческія блага—свободу и порядокъ. И если намъ удастся упрочить у себя въ Россіи прочный конституціонный строй, то, въ отличіе отъ нашихъ предковъ, призывавшихъ варяговъ, мы въ правѣ будемъ сказать: земля наша велика и обильна, и порядокъ въ ней есть.

98156

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.